

На правах рукописи

ПОНОМАРЕВА Дарья Васильевна

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВЕЧНОГО ОБРАЗА:
ПОЭТИКА ПЬЕСЫ
М. БУЛГАКОВА «ДОН КИХОТ»**

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2015

Работа выполнена на кафедре отечественной литературы
федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Южный федеральный университет».

Научный руководитель – *Белопольский Вадим Николаевич*, доктор
филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Немцев Владимир Иванович*, доктор фило-
логических наук, профессор (ФГБОУ ВПО
«Самарский государственный университет
путей сообщения», профессор кафедры
теологии);

Кольшева Елена Юрьевна, кандидат фило-
логических наук, доцент (Институт гумани-
тарных наук ГБОУ ВО города Москвы
«Московский городской педагогический
университет», доцент кафедры методики
обучения филологическим дисциплинам).

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Национальный исследова-
тельский Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского».

Защита состоится 11 декабря 2015 г. в 10.00 час. на заседании
диссертационного совета Д 212.027.03 в ФГБОУ ВПО «Волгоградский
государственный социально-педагогический университет» по адресу:
400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на
сайте Волгоградского государственного социально-педагогического
университета: <http://www.vgpiu.org>.

Автореферат разослан 2 ноября 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Несмотря на незатихающий интерес к творчеству М. Булгакова в целом и активное исследование его театрального наследия в последние десятилетия, одна из последних его пьес – «Дон Кихот» – до сих пор остается, пожалуй, самым малоизвестным и малоизученным произведением писателя. При этом практически все исследователи, обращаясь к тексту булгаковского «Дон Кихота», подчеркивали особый статус этой пьесы. Наряду с романом «Мастер и Маргарита» «эта пьеса, может быть, наиболее личная»¹; «очень примечательное» произведение²; «одно из самых значительных художественных произведений, непосредственно связанных с сервантесовским романом»³; редкий вариант булгаковского «произведения-завещания»⁴. Оставаясь на периферии исследовательского внимания, булгаковский «Дон Кихот» является, на наш взгляд, одной из наиболее ярких интерпретаций вечного сюжета, сопряженного драматургом с важнейшей для его творчества проблемой – судьбой творческой личности.

Миф о Дон Кихоте, охватывающий философско-психологические и творческие концепции мыслителей разных культурных эпох, сформировался в результате трехвековой истории интерпретаций романа Сервантеса. «Новые донкихоты» не всегда отождествлялись с героем Сервантеса, но были «соотнесены с персонажем знаменитого романа как с нормой “донкихотства”»⁵, так или иначе, связывались с многогранной фигурой сервантесовского Дон Кихота.

«Дон Кихот» получил признание во многих странах мира, но именно в России роман обрел наиболее горячих почитателей, талантливых и творческих интерпретаторов. Объясняется это тем, что значимость образа Дон Кихота в русской культуре практически всегда привязывалась к крайне важной для нашей страны проблеме самоидентификации. Давние споры о судьбах России, концепции особого ее предназначения стали ассоциироваться с донкихотовской идеей.

---

¹ Кораблев А.А. Время и вечность в пьесах М. Булгакова // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: сб. ст. / под ред. А. Нинова. М.: СТД РСФСР, 1988. С. 39–56.

² Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Мол. гвардия, 2008. С. 756.

³ Багно В.Е. Дон Кихот в России и русское донкихотство. СПб.: Наука, 2009. С. 181.

⁴ Лосев В.И. Дон Кихот. Комментарии // Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7: Блаженство: Пьесы и инсценировки 20–30-х годов. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 714–742.

⁵ Пинский Л.Е. Сюжет «Дон Кихота» и конец реализма Возрождения // Пинский Л.Е. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М.: Изд-во РГГУ, 2002. С. 149–232.

К написанию «пьесы по Сервантесу»⁶ М.А. Булгаков приступил в крайне сложный период своей жизни. После драматургического разгрома 1936 г. с каждым днем положение писателя, подавляемого господствующей системой идеологического и административного контроля над искусством, ухудшалось.

Неудивительно, что идея драматического переложения знаменитого романа Сервантеса не прошла мимо Булгакова, который в своей творческой судьбе нередко склонялся к донкихотству. В письме В. Вересаеву 4 апреля 1937 г. он прямо отмечал сходство своей жизни с «судьбой» ламанчского рыцаря: «Я очень утомлен и размышляю. Мои последние попытки сочинять для драматургических театров были чистейшим донкихотством с моей стороны»⁷.

Обращаясь к вопросу о редакциях пьесы, О. Есипова называет три варианта, которые выражают последнюю авторскую волю: «ДК-III (первое представление пьесы в театр, а затем в Репертком), ДК-IVa (второе представление пьесы в Репертком – в сокращенном виде) и ДК-IV (перепечатка разрешенной пьесы с небольшими добавлениями)». Выбор самой исследовательницы, исходившей из уверенности, что «перестройка текста от ДК-III и ДК-IVa вызвана не давлением извне, но внутренними побуждениями драматурга», падает на «более позднюю авторскую редакцию» – ДК-IV⁸.

На наш взгляд, редакция ДК-III незаслуженно обойдена вниманием булгаковедов. Только в 2002 г. «неизвестная третья редакция» была включена в собрание сочинений Булгакова в восьми томах⁹. Подтверждением того, что драматург считал для себя именно эту редакцию пьесы окончательной, свидетельствуют следующие факты. Закончив работу над пьесой 8 сентября, 9-го Булгаков сдает пьесу в театр, а уже 10-го он приступает к работе над новой пьесой – «Батум». Получив 9 ноября 1938 г. «письменное подтверждение от театра» о разрешении постановки пьесы (оказавшееся «недостовверным») ¹⁰, драматург буквально на следующий день, 10 ноября, с большим успехом читал пьесу труппе.

---

⁶ Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Азбука-классика, 2002. Т. 7. С. 217.

⁷ Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Азбука-классика, 2002. Т. 8. С. 577.

⁸ Есипова О.Д. Комментарии. Дон Кихот // Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Худож., лит., 1990. Т. 4. С. 622–630.

⁹ Лосев В.И. Дон Кихот. Комментарии // Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7: Блаженство: Пьесы и инсценировки 20–30-х годов. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 714–742, 3.

¹⁰ Есипова О.Д. Комментарии. Дон Кихот // Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 4. С. 622–630.

Однако вскоре Булгаков создает четвертую редакцию «Дон Кихота». Исследователи сходятся во мнении, что работа над новой редакцией велась в направлении сокращений, «целенаправленных и существенных для смысла произведения»¹¹. В первую очередь из пьесы изымались эпизоды, полностью придуманные самим драматургом (отсутствующие у Сервантеса) и поэтому наиболее показательные с точки зрения понимания им донкихотовской ситуации. В процессе работы над «Дон Кихотом» проявилась такая особенность булгаковского творчества, как вынужденная самоцензура.

Существующие исследования «Дон Кихота» зачастую носят фрагментарный характер. Пьеса включалась в корпус анализируемых текстов в монографиях В. Багно и двухтомном исследовании Ю. Айхенвальда («Дон Кихот на русской почве»¹²). Некоторые исследователи помещали «Дон Кихота» в общий контекст творчества Булгакова (В. Химич, В. Лакшин, В. Лосев, А. Нинов, Вас. Новиков, Дж. Кертис, С. Пискунова). Пьеса Булгакова фигурировала как один из объектов в диссертационных исследованиях И. Григорай «Проблема традиции и взгляды на художника, искусство и историю М.А. Булгакова-драматурга в 30-е годы (“Кабала святош”, “Последние дни”, “Дон Кихот”»)¹³, Т. Артамоновой «Рецепция сюжета о Дон Кихоте в русской литературе 1920–1930-х годов»¹⁴ и Е. Иваньшиной «Культурная память и логика текстопорождения в творчестве М.А. Булгакова»¹⁵. Среди исследователей, которые проявили непосредственный интерес к пьесе, следует назвать театроведа О. Есипову, К. Осиньскую и Е. Шустову.

«Дон Кихот» Булгакова рассматривался учеными главным образом в проблемно-тематическом ключе, и прежде всего с точки зрения биографической составляющей мироощущения заглавного героя. В меньшей степени исследователей интересовало художественное мастерство драматурга. На данный момент отсутствуют исследования

---

¹¹ Есипова О.Д. Комментарии. Дон Кихот // Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 4. С. 628.

¹² Айхенвальд Ю.А. Дон Кихот на русской почве: в 2 ч. М., Минск: Гендальф, МЕТ, 1996.

¹³ Григорай И.В. Проблема традиции и взгляды на художника, искусство и историю М.А. Булгакова-драматурга в 30-е годы («Кабала святош», «Последние дни», «Дон Кихот»): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Л., 1981.

¹⁴ Артамонова Т.Г. Рецепция сюжета о Дон Кихоте в русской литературе 1920–1930-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2006.

¹⁵ Иваньшина Е.А. Культурная память и логика текстопорождения в творчестве М.А. Булгакова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун.-т, 2010.

пьесы в контексте русской традиции осмысления донкихотовской ситуации как ситуации-инварианта донкихотовского отношения героя к действительности¹⁶. До конца не разрешен вопрос о самостоятельности пьесы по отношению к роману Сервантеса. Некоторые исследователи видят в булгаковском «Дон Кихоте» лишь инсценировку великого романа Сервантеса (Б. Соколов, В. Багно, С. Пискунова, К. Осиньская), другие – самостоятельное драматическое произведение (О. Есипова, Е. Шустова, А. Нинов, В. Новиков).

Таким образом, **актуальность исследования** обусловлена необходимостью выявления специфики переакцентуации вечного сюжета и трансформации сложившегося в русской традиции мифа о Дон Кихоте в творчестве Булгакова. Комплексный анализ поэтики пьесы с привлечением контекста русской литературной традиции не только позволит раскрыть своеобразие булгаковской интерпретации донкихотства, сопоставленного драматургом с проблемой творчества, но и углубит представление об отношении писателя к традициям русской классической литературы XIX в. и неклассической эстетике.

Объектом исследования в работе является третья редакция пьесы Булгакова «Дон Кихот».

Предмет исследования – булгаковская интерпретация сюжета о Дон Кихоте в диалогическом отношении к сложившемуся многоголосию русского мифа о Дон Кихоте.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить особенности поэтики пьесы М. Булгакова «Дон Кихот» в свете русской традиции донкихотства, а также исследовать природу переакцентуации русского мифа о Дон Кихоте в малоизвестной третьей редакции пьесы.

Данная цель обусловила основные **задачи**:

1. Исследовать образы центральных персонажей пьесы в свете диалога творческой личности (Дон Кихот) и мира «других» (Санчо Панса, Сансон Карраско).
2. Раскрыть художественное своеобразие малоизвестной третьей редакции «Дон Кихота», детально проанализировав специфику пространственно-временной организации пьесы, особенности жанра, природу карнавализации.
3. Установить степень самостоятельности «Дон Кихота» Булгакова по отношению к роману Сервантеса и определить, является ли пьеса оригинальным драматическим произведением или инсценировкой.
4. Рассмотреть пьесу Булгакова в свете классической и неклассической традиций русского мифа о Дон Кихоте.

---

¹⁶ Пинский Л.Е. Сюжет «Дон Кихота» и конец реализма Возрождения // Пинский Л.Е. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М.: Изд-во РГГУ, 2002. С. 149–232.

Материал исследования – тексты произведений М. Булгакова, а также художественные произведения и статьи, посвященные осмыслению образа Дон Кихота и донкихотовской ситуации в России (И. Тургенев, А. Пушкин, Ф. Достоевский, Ф. Сологуб, Д. Мережковский, Вяч. Иванов, А. Блок и др.).

Методологической основой работы являются труды М. Бахтина о диалоге, переакцентуации, хронотопе и карнавализации. Интерпретация Булгаковым донкихотовской ситуации рассматривается в свете теоретических положений Н. Тмарченко, В. Тюпы и С. Бройтмана, опирающихся на основы систематической научной поэтики, заложенные в трудах Бахтина. Специфика данной концепции состоит в синтезе синхронного и диахронного направлений исследования, при котором изучение художественной системы отдельного произведения дополняется рассмотрением исторической эволюции отдельных аспектов¹⁷. В нашем случае целостный анализ поэтики «Дон Кихота» совмещается с исследованием трансформации донкихотовского типа личности в пьесе Булгакова.

В ходе исследования пьесы Булгакова как художественного целого проводится анализ образов Дон Кихота, Санчо Пансы и Сансона Карраско с опорой на концепцию типологии характеров, разработанную Т. Касаткиной. Исследуя интерпретацию донкихотовской ситуации в пьесе, характеризуем взаимоотношения булгаковского Дон Кихота и персонажей-двойников (Санчо Пансы и Сансона Карраско) как диалог «я» – «другой», отталкиваясь от философии поступка М. Бахтина и ее прочтения философами-постбахтинистами. Анализ жанровых особенностей пьесы связывается с теорией о модусах художественности В. Тюпы как «способах» осуществления законов художественности, «типах» эстетического завершения произведения¹⁸.

Методы исследования. Исследование базируется на комплексном применении историко-функционального, сравнительно-сопоставительного и историко-типологического методов с привлечением элементов культурно-исторического и биографического подходов.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) впервые проводится целостный анализ булгаковского «Дон Кихота», в котором, помимо исследования основных образов персонажей, раскрываются жанровая природа, специфика хронотопа и особенности карнавализации в пьесе;

---

¹⁷ Тмарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: в 2 т. М.: АCADEMIA, 2004. Т. 1. С. 11.

¹⁸ Тюпа В.И. Художественный дискурс. Введение в теорию литературы: учеб. пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 36.

2) предпринимается попытка исследования булгаковского видения донкихотовской ситуации в свете русской традиции освоения вечного образа;

3) впервые в качестве объекта изучения избирается малоизвестная третья редакция пьесы как более полная, отличающаяся от известной четвертой большей художественной глубиной и смысловой «прозрачностью».

Теоретическая значимость исследования определяется углублением представления о влиянии традиции русской классической литературы XIX в. и эстетики Серебряного века на творчество писателя XX в., определением специфики переосмысления русского мифа о Дон Кихоте как вечном образе и функционировании донкихотовского типа личности в литературе.

Практическое значение работы обусловлено новизной привлеченного материала – малоизвестной третьей редакции пьесы Булгакова «Дон Кихот». Положения и выводы, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут быть использованы в общих и специальных курсах по истории русской литературы XX в., при составлении спецкурсов по творчеству Булгакова, а также при подготовке научных изданий произведений Булгакова.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В образе Дон Кихота в одноименной пьесе М. Булгакова синтезируются рыцарская героика и ответственность романтического художника перед миром. Раскрывается Дон Кихот в диалоге с персонажами-двойниками: эмоциональным (Санчо Панса) и рациональным (Сансон Карраско). Они позволяют одновременно осознать принадлежность героя к миру «других» и отчужденность от него.

2. Пьесу Булгакова можно назвать романтической драмой самоосуществления Дон Кихота-творца. Специфика пространственно-временной организации пьесы, ее жанровых особенностей и карнавальской природы выявляет драматическую диффузию буффонады и мистериально-трагического начала.

3. Пьеса «Дон Кихот» соотносится с романом Сервантеса как с источником вечного сюжета о Рыцаре Печального Образа и является не инсценировкой, а оригинальной драмой Булгакова по мотивам знаменитого романа, ориентированной на миф о Дон Кихоте.

4. Переакцентуация русского мифа о Дон Кихоте в пьесе Булгакова приобретает форму пародирования классической и неклассической традиций донкихотства. Герой Булгакова сменяет творческие «маски»/образы чудака, странствующего рыцаря, самозванца, бунтаря, «бедного рыцаря», «лишнего человека», «юродствующего» стран-

ника и осуществляет свое творческое «я» как преображающий мир художник-жизнестроитель, Рыцарь Печального Образа.

Оценка достоверности результатов исследования. Достоверность результатов обеспечивается методологической обоснованностью, надежностью теоретических положений; единством общенаучных и литературоведческих методов исследования, адекватных объекту, цели, задачам и логике исследования. Объем анализируемого материала репрезентативен, т.к. включает широкий круг художественных и критических текстов; основные выводы отражены в публикациях в журналах и сборниках научных статей (Ростов-на-Дону, Красноярск, Тамбов, Ишим).

Апробация работы. Основные положения, рассмотренные в работе, отражены в публикациях и изложены на научных конференциях: студенческих – в рамках «Недели науки» 2008–2010 гг., заочных международных «Литература в диалоге культур» 2011–2012 гг. (Ростов-на-Дону), XI Международной научно-практической конференции «Современная наука глазами молодых исследователей» 2013 г. (г. Ишим). По теме диссертации опубликовано 12 статей, в том числе 6 – в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Поставленные задачи определили **структуру работы**. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, насчитывающего 238 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, обозначаются актуальность и новизна поставленной проблемы, раскрывается степень изученности вопроса, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, характеризуются теоретические и методологические основания работы, ее структура. Формулируются выносимые на защиту положения.

В **первой главе** «Диалог Дон Кихота с миром “других” в пьесе М. Булгакова “Дон Кихот”» в свете концепции о типологии характеров и теории М. Бахтина о диалоге рассматриваются образы трех центральных персонажей пьесы Булгакова.

В *первом разделе первой главы* «Образ Дон Кихота в одноименной пьесе М. Булгакова» с точки зрения системы эмоционально-ценностных ориентаций подробно анализируется образ булгаковского Дон Кихота. Осознанный выбор прекрасного идеала в качестве основной ценности характеризует Дон Кихота как романтика. Стремление же к активным действиям, направленным на переустройство действительности, недо-

верие к существующему миропорядку подчеркивают героичность булгаковского героя. Активная составляющая образа характеризует Дон Кихота как «героика», т.е. персонажа героической мироориентации.

Дон Кихот как романтик героической мироориентации мечтает возродить Золотой век, т.е. опирается на миф об идеализированном, никогда не существовавшем в реальности прошлом. Специфика романтической мироориентации Дон Кихота заключается в совмещении веры в непреходящую ценность прекрасного идеала и понимания его принципиальной недостижимости в реальном мире. В этой связи важную роль играет замена реального, зачастую невыполнимого, действия его символическим эквивалентом. Символическими действиями, в которых на первый план выходят высокое намерение и романтический порыв, оставляя результат на втором, в пьесе являются практически все приключения странствующего рыцаря и его оруженосца.

Двойственное положение заранее обреченного на поражение романтика окрашивает путь Дон Кихота в трагические тона. Трагическая составляющая образа рыцаря усиливается гротескно-романтическим мотивом судьбы/рока как чуждой нечеловеческой силы. Но герой изначально делает свой выбор сознательно. Свободный выбор собственной судьбы с точки зрения ответственности художника перед жизнью и искусством становится самоопределением Дон Кихота-творца по отношению к существующему миропорядку, определением его ответственной позиции в мире и творчестве.

Добровольность выбора Дон Кихотом подвижнической судьбы отсылает к традиции сознательного исторжения себя из мира, т.е. феномену юродства, балансирующего на грани смешного и серьезного. Обращаясь к проблеме девиантного поведения Дон Кихота, мы, прежде всего, имеем в виду пародирование внешних признаков юродства, которые традиционно осуждались официальной церковью и несли на себе отпечаток народной карнавальной культуры. Отчужденность Дон Кихота от «опрокинутого» мира проявляется в мнимом безумии как пассивной (направленной на себя) составляющей юродства, которая помогает художнику освободиться от ложной правды окружающей реальности. Юродство, с одной стороны, дает герою возможность активного обличения несправедливости, а с другой – близко Дон Кихоту-поэту в силу своей повышенной эмоциональности. В отношении Дон Кихота можно говорить об «интеллигентном юродстве» как форме интеллектуального критицизма протестующего одиночки.

К ироническому кризису, предполагающему сомнение в ценностях вплоть до отрицания всего, в финале пьесы Дон Кихота приводит потеря единственной опоры в мире – веры в осуществление идеала, ре-

альное преображение действительности здесь и сейчас. Сомнения героя раскрываются во временном расслоении героической (активной, рыцарской) и романтической (пассивной, поэтической) составляющих, гармонично сосуществовавших прежде. Булгаков, акцентируя внимание на возможности реализации художника в условиях непонимания и даже гонения, ставит своего героя, не сумевшего «расколдовать» мир, перед проблемой сохранения собственной духовной свободы и целостности творческого «я» поэта и воина. Преодолевая сомнения бунтом – заполняя образовавшуюся пустоту мужественным отвержением несправедливой действительности, Дон Кихот вновь входит в творческую жизнь-игру в искусстве. На первый план выдвигается вера в непреходящую ценность высшей правды.

Окончательно стирая границы между искусством и действительностью, булгаковский художник фактически уничтожает грань между жизнью и смертью. Возможно, поэтому получивший в сражении с Сансоном «незначительные» повреждения рыцарь умирает будто от смертельной раны. Смерть Дон Кихота, в которой обнаруживаются черты преодоления внутреннего разрыва трагического героя с реальностью, отстаивания внутренней свободы поэта, освобождения «юродивого» от гонения «других», возвращения «части» в целое универсума и даже творческого акта художника-бунтаря, можно назвать и последним боем не свернувшего с «крутой дороги» рыцаря, поэта и воина.

Во *втором разделе* «Санчо Панса как эмоциональный двойник Дон Кихота в пьесе М. Булгакова “Дон Кихот”» анализируется образ Санчо Пансы как образ эмоционального двойника главного героя пьесы. В силу своей подвижной карнавальной природы именно оруженосец способен вступить с Дон Кихотом в диалогическое взаимодействие, осуществляемое на эмоциональном уровне и заключающееся в проявлении сочувствия. «Со-бытие» Дон Кихота и Санчо Пансы принимает форму диалога – со-чувствия и со-переживания, душевной близости, позволяющей оруженосцу эмоционально приблизиться к пониманию внутреннего мира художника. Образ Санчо-трикстера подчеркивает драматично-амбивалентное переплетение серьезного и смешового аспектов, включающее одновременно прославление и осмеяние культурного героя. Образ карнавального «шута» Санчо, сменяющего в пьесе циничную, сентиментальную и эпическую маски, помогает испытанию и утверждению идеи рыцарского служения поэта. Сопровождая повсюду своего господина, оруженосец Панса хранит и активно использует главное оружие, в сущности, самое действенное в художественном мире Булгакова – смех, мгновенно откликающийся на любую отрицательную ценность, ничего не разрушающий, но стойко

противостоящий любым формам и видам разрушения. Осмеивая противостоящие ценности (книга и жизнь, мечта и реальность), Санчо в конечном итоге снимает их противостояние, через юмор гармонизируя действительность и восстанавливая целостность разорванного мира. Осмеяние, возрождающее сакральный смысл рыцарского поведения, происходит в духе высокого, личностного и ответственного смеха над несбыточным романтическим идеалом Дон Кихота и мечтаниями Санчо о дальних странах.

Являясь носителем преодолевающего зло смеха, Санчо пародирует рыцарский идеал, комически снимает противоречие ценностей искусства и жизни в карнавальной правде, возрождающей и обновляющей вечные истины. Ключевую роль в испытании рыцарской идеи творца Дон Кихота (погоне за мечтой) играет смеховая смерть как форма выявления карнавальной правды.

В *третьем разделе* «Сансон Карраско как рациональный двойник Дон Кихота в пьесе М. Булгакова “Дон Кихот”» в свете концепции М. Бахтина о диалоге рассматривается образ Сансона Карраско как образ рационального двойника булгаковского художника. Образ бакалавра интересен прежде всего как образ рационального двойника Дон Кихота, способного вступить с творческой личностью в равноправный диалог, проявить диалогическую активность в отношении «чужого живого и полноправного сознания» художника¹⁹. Карраско как герой без романтической составляющей – не рыцарь, идущий на подвиг по велению сердца, а своего рода законопослушный, выполняющий приказ «солдат» существующей реальности, довольствующийся тем, что есть. Основание его системы ценностей – господствующие представления о норме.

Рациональный двойник Сансон Карраско выполняет в пьесе функцию «другого», способствуя испытанию идеала Дон Кихота и самого героя как носителя идеи рыцарского подвига в творчестве. В диалоге с двойником Дон Кихот-художник, окончательно избавляясь от творческой «маски» книжного средневекового рыцаря, видит в Сансоне другого себя, осознает отчужденность своего «я» от мира «других», без диалога с которым не может существовать ответственная личность.

Победивший Дон Кихота бакалавр терпит сокрушительное поражение, разочаровываясь в господствующей системе ценностей, изначально принимавшейся им как единственно верная. Трагическое прозрение Сансона напрямую связано со стыдом как феноменологической эмоциональной антитезой комическому одухотворенно-оценочному сме-

---

¹⁹ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994. С. 184–185.

ху, носителем которого в пьесе является Санчо Панса. К стыду приводит смех над «другим».

Во **второй главе** «Художественное своеобразие пьесы М. Булгакова “Дон Кихот”» раскрывается художественное своеобразие пьесы, анализируются жанровые особенности «Дон Кихота».

В *первом разделе второй главы* «Особенности хронотопа в пьесе М. Булгакова “Дон Кихот”» характеризуется пространственно-временное своеобразие пьесы. В «Дон Кихоте» происходит взаимопроникновение бытового и бытийного хронотопов, т.е. пересекаются враждебное Дон Кихоту «времяпространство» несвободы, осмеяния и диктата общепринятых норм и открытое большое время культурной традиции, зовущее художника к свободному творческому диалогу. Потерпевший поражение и не реализовавший мечту в действительности, Дон Кихот воплощает идеал и свободно реализует творческое «я», одержав символическую победу романтика, только в пространстве деятельного и ответственного творчества, преображающего быт. Это своеобразное пространство творчества, созданное воображением Дон Кихота-творца в зазоре между бытом и бытием, сферу творческих смыслов можно определить как третий большой хронотоп пьесы – хронотоп Золотого века, пространство творения. Ориентируясь на смысловое пространство культуры (бытие), концентрирующее в себе категории цели, справедливости, совершенства, гармоничного состояния человека и общества, Дон Кихот творчески переплавляет в единое целое рыцарский миф и миф о Золотом веке, воспринимая его в качестве предполагаемого идеального/должного мироустройства будущего. Творческое «участно»-ответственное мышление Дон Кихота с помощью героико-романтического варианта «исторической инверсии» (наложения прошлого и будущего) стирает границу между жизнью и искусством, преображая враждебную действительность быта и обогащая настоящее переосмыслением культурной традиции.

Во *втором разделе* «Карнавализация в пьесе М. Булгакова “Дон Кихот”» анализируется своеобразие карнавального начала в «Дон Кихоте». Карнавализация пьесы, способствующая испытанию идеала Дон Кихота и самого героя как его носителя, реализуется в наложении двух видов карнавальной образности: гротескного реализма, носителем которого является Санчо Панса, и романтического гротеска, связанного с образом Дон Кихота. При этом испытания идеи и самоосуществления героя-художника ориентированы драматургом на карнавальную серьезно-смеховую традицию. Завязка действия строится Булгаковым на создании исключительной ситуации, которая в духе мениппеи провоцирует испытание философской идеи главного героя. Исключитель-

ность ситуации «на пороге» состоит в принятии Дон Кихотом переломного решения бросить прежнюю жизнь, уклониться от общей нормы. Далее действие разворачивается на перекрестке дорог, совмещающем в себе функции двух карнавальных хронотопов порога и площади. Приключения Дон Кихота можно назвать «площадными катастрофами», побуждающими героя двигаться вперед. При этом в ходе драматического действия героический романтик постоянно находится в исключительной ситуации «на пороге», ставящей Дон Кихота перед необходимостью сделать нравственный выбор. Акцентирует это и признанное практически всеми сумасшествие героя, которое, в сущности, является пограничным состоянием творящей личности, чувствующей все явления мира гораздо глубже, чем окружающие. Кульминация мениппейного испытания идеи рыцарского служения творческой личности, т.е. совместимости героической и романтической составляющих, соответственно разделяется на две части – диалог Дон Кихота с Духовником, и сражение с Сансоном Карраско. Монолог героя, завершающий словесную дуэль с Духовником, становится значимой победой Дон Кихота, символическим триумфом слова творящего, способного изменить судьбу человека.

В *третьем разделе* «Жанровая природа пьесы М. Булгакова “Дон Кихот”» раскрывается жанровая специфика пьесы. Покидающий родной дом Дон Кихот предстает субъектом личной ответственности, который противопоставляет свое «я» жизни «других», т.е. обществу. Он оценивает свои действия по отношению к миру «других», одновременно признавая свою причастность к внешнему миру и внутренне отстраняясь от него как недолжного. Внутренняя избыточность героического романтика, чувствующего неполноту самореализации и противостоящего не вселенскому миропорядку, а другому «я», миру «других», характеризует личность Дон Кихота-художника как драматическую. Несмотря на присутствие в пьесе трагической составляющей, булгаковского рыцаря трудно назвать трагической личностью, обреченной на конфликт с надличностными силами (Роком) и неотвратимо гибнущей независимо от ее действий или бездействия. Амбивалентный лейтмотив судьбы, с одной стороны, усиливает драматическое страдание (близкое к трагизму) героя-творца. Именно это драматическое страдание и является в пьесе смыслопорождающим. С другой стороны, мотив не только безжалостной, но и благосклонной судьбы вводит важную для Булгакова проблему творчества и ответственности художника перед своим творением.

Драматическая коллизия противостояния героя и непонимающего его мира «других» реализуется в противоречии между внутренней

свободой самоопределения Дон Кихота и внешней событийной несвободой его самопроявления, в ироничном несовпадении божественной сущности и внешней кажимости, неявленного и явного. Драматическое действие в пьесе выстраивается благодаря диффузии трагического и комического. Именно полифоническая драма, синтезирующая черты различных сценических жанров, позволяет наиболее полно раскрыть специфику взаимопроникновения в пьесе трагической иронии и комической ситуации. С одной стороны, Дон Кихот стремится обмануть тяготеющий над ним злой рок как трагический герой, а с другой – как герой комедии считает, что может изменить свою судьбу, но то, к чему он стремится, обычно совершается не по его воле, а по воле случая.

Драматический путь самоосуществления булгаковского художника, творящего на границе быта и бытия, соединяет мистику (драматургическую мениппею) с буффонадой. Признавая сложный синтетический характер булгаковской пьесы, присущий всем драматическим произведениям XX в., считаем возможным определить пьесу как романтическую драму самоосуществления Дон Кихота-творца, судьбой которого становится сознательно избранный путь реализации своего «я» в мире «других».

В **третьей главе** «"Дон Кихот" М. Булгакова в свете русского мифа о Дон Кихоте» пьеса Булгакова рассматривается в контексте русской традиции донкихотства. Художественный мир романтической драмы самоосуществления творца, созданный средствами карнавализации, системы двойничества, диффузии хронотопов и жанрового синтеза, строится на пародийном удвоении, в основе которого лежат актуализация и переосмысление «чужого слова» традиции, своеобразный диалог с ней.

В *первом разделе третьей главы* «Пародирование классической традиции донкихотства в пьесе М. Булгакова "Дон Кихот"» характеризуется своеобразие осмысления классической традиции донкихотства в произведениях русских писателей XIX в. В процессе переакцентуации донкихотовской ситуации драматург переосмысливает романтическую традицию философской драматизации судьбы художника, синтезируя в образе своего героя романтическую мысль эгоистичного мечтателя Гамлета и героическую волю Дон Кихота-энтузиаста, по мнению И. Тургенева, в одиночку отчаянно сражающегося за великую мечту. Пародирование донкихотства, жертвенно служащего идеалу «рыцаря бедного» А. Пушкина, в пьесе происходит в травестийном смешении трагического и комического. Роднит рыцарей Булгакова и Пушкина возвышающая их над миром «других» необычность, которую окружающие принимают за сумасшествие. Именно в этом романтизированном пространстве поэтического безумия герои по-настоящему

свободны и счастливы. В жестокой реальности их ждут лишь пустота и плен. Дон Кихот Булгакова и донкихотствующий пушкинский Герой из одноименного стихотворения 1830 г. предстают вариациями инварианта героического романтика, воплощающего единство дополняющих друг друга воинственного и поэтического начал. Дон Кихот одновременно является страдающим чужому горю героиком и сражающимся за свою идею мыслителем-романтиком.

Булгаковского Рыцаря Печального Образа можно отнести к творцам моцартианского типа, который характеризуется гармоничным слиянием комического и трагического, сиюминутного и вечного, неудержимой фантазии и безупречной логики, эмоциональности и рационализма, стремительностью поведения, самоиронией, театральностью мышления и ощущением внутренней свободы художника. Вслед за Ф. Достоевским Булгаков делает «рыцаря бедного» Пушкина своеобразным связующим звеном, обыгрывая данный образ на мотивном уровне. Если у Достоевского пушкинский рыцарь связывает Дон Кихота Сервантеса с прообразом Христа, который должен воплотиться в образе «положительно прекрасного человека» Мышкина, то в пьесе пушкинский образ закрепляет связь булгаковского Дон Кихота, поэта, пророка, жреца и жертвы в одном лице, и «человеченного» Христа Иешуа Га-Ноцри. Сближает Мышкина и рыцаря Булгакова и своеобразное пародийное юродство как форма противостояния несправедливости.

Во *втором разделе* «Пародирование неклассической традиции донкихотства в пьесе М. Булгакова “Дон Кихот”» анализируется специфика переакцентуации драматургом неклассического этапа освоения мифа о Дон Кихоте. Значительное влияние на переакцентуацию донкихотства в пьесе оказали ключевые идеи Серебряного века. Центральное место в пародийном замысле драматурга отводится творческому мифу о Дульсине Ф. Сологуба. Булгаковский Дон Кихот и донкихотствующий художник Сологуба занимают по отношению к действительности активную позицию преобразования жизни искусством. Преодолевая сопротивление грубой материи существующей реальности, героический романтик Булгакова творит свой идеал, то, что должно быть. «Неутомимой фантазией» лирического поэта он создает из грубой Альдонсы прекрасную Дульсинею. Трагикомическое пародирование в пьесе, по сути, выворачивает миф о Дульсине наизнанку. Булгаковский «демон поэта» Сансон Карраско не искушает Дон Кихота величием творца, а, разоблачая «безумного» рыцаря, низвергает мечту героического романтика. Очищающее испытание-отрицание, приобретающее форму признания поэтом действительности, укрепляет веру Дон Кихота в идеал. При этом Альдонса превращается в Дульсинею Рыцаря Печаль-

ного Образа, оставаясь «околдованной» зримой крестьянкой Альдонсой от начала до конца пьесы.

В драме Булгакова обнаруживается преломление донкихотовской традиции Д. Мережковского, раскрытой в стихотворении «Дон Кихот» 1887 г. Героев Мережковского и Булгакова роднит евангельски-мессианская убежденность в истинности прекрасного идеала, но донкихотовскую ситуацию оба писателя определяют как трагически безнадежную. На земле всем пророкам и поэтам остается лишь вера в непреходящую ценность мечты и «безумное» ожидание прекрасного. Героико-романтическая интерпретация образа Дон Кихота в пьесе дополняется пародированием концепции Вяч. Иванова о новом индивидуализме в поэтическом творчестве, миссия которого, по мнению автора, состоит в теургическом жизнестроительстве. Булгаковский рыцарь наследует как героическую гордость и богоравную щедрость вечного типа, названного Ивановым Дон Кихот-Лир, так и бунтарство и стремление к самоутверждению типа Гамлет-Макбет. В амбивалентной двойственности булгаковского Дон Кихота в качестве трагикомической вариации также отражается тип рыцаря-монаха, охарактеризованный А. Блоком как тип одинокого странника, кажущегося окружающим опасным чудачком, нерасторжимые доброта и воинственность которого дополняют друг друга, т.к. этого требует служение рыцаря-монаха, отстаивающего свой идеал и словом, и делом. В своем творческом подвиге Дон Кихот Булгакова приближается к символистскому «нарциссическому пигмалионству». Преображая грубую материю в идеал, «дुльцинируя» мир, герой реализует поэтическое «я», осуществляется как художник, творя собственный мир. Обнаруженные типологические связи позволяют предположить, что более детальное исследование влияния русской религиозной философии начала XX в. и художественных концепций Серебряного века на проблему судьбы художника поможет в дальнейшем по-новому взглянуть на общие художественные особенности творчества Булгакова в целом.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования. Традиционное для русского донкихотства отвержение существующего порядка вещей в творчестве Булгакова обрело форму лично переживаемого отрицания несвободы художника в условиях жесткого диктата и контроля извне. Мечтатель и сумасброд Сервантеса в пьесе Булгакова превратился в творца, протестующего против несправедливости мира, околдованного злом приспособленчества, и мужественно стремящегося реализовать творческое «я» даже в удушающем плену существующей реальности.

Именно Дон Кихот, главный герой одной из последних пьес Булгакова, реализует активный творческий путь, воплощает, в сущности, идеализированный образ художника-рыцаря, готового на подвиг во имя творчества. Более подробное системное рассмотрение творческих типов поэта-рыцаря и поэта-пастуха, как нам кажется, позволит в дальнейшем по-новому раскрыть проблему судьбы художника в творчестве Булгакова.

Проведенный анализ пьесы, раскрывающий ее жанровую специфику и художественное своеобразие, свидетельствует о самостоятельности драматического произведения Булгакова по отношению к «Дон Кихоту» Сервантеса. Соотносясь с испанским романом как с источником вечного сюжета и культурного мифа о Рыцаре Печального Образа, булгаковская пьеса, по нашему мнению, является не инсценировкой, а оригинальной драмой, написанной по мотивам знаменитого романа и ориентированной именно на миф о ламанчском рыцаре, т.е. совокупность существующих интерпретаций бессмертного сюжета. Сравнительный анализ двух опубликованных окончательных редакций «Дон Кихота» подтверждает предположение о том, что наибольшей художественной глубиной обладает именно третья редакция, во всей полноте отражающая своеобразие булгаковской переакцентуации донкихотовского мифа. Необходим также более глубокий текстологический анализ существующих редакций пьесы.

Для Булгакова, подводившего свой литературный итог в драматургии, прежде всего была важна решимость творческой личности, отваживающейся на бескомпромиссную борьбу во имя идеала, отстаивание своих идей. Драматург, отдававший предпочтение Великой Эволюции, вероятно, более всего ценил невозможность для истинного художника пойти на сделку со своей совестью, готовность отстаивать свободу творчества до конца. Протест Дон Кихота против несправедливости мира не является борьбой ради разрушения, на первом месте всегда стоит созидание. На наш взгляд, это то, что А. Нинов назвал «борьбой за Авторство»²⁰, т.е. за право на свободное творческое самовыражение и самоосуществление в творчестве. Главным оружием в этом сражении «за», а не «против» становятся ответственная правда и решительное слово художника, не расходящееся с делом и потому равное рыцарскому подвигу.

---

²⁰ Нинов А.А. После катастрофы // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 4. С. 575–594.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных
ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Белопольская, Е.В., Пономарева, Д.В. О романтическом гротеске в пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» / Е.В. Белопольская, Д.В. Пономарева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2012. – № 2. – С. 43–49 (0,5 п.л.).

2. Пономарева, Д.В. Санчо Панса как эмоциональный двойник Дон Кихота в пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» / Д.В. Пономарева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. Астафьева. – 2012. – № 4 (22). – С. 355–360 (0,4 п.л.).

3. Пономарева, Д.В. Дон Кихот как героический романтик в пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» / Д.В. Пономарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 1 (19). – С. 146–148 (0,3 п.л.).

4. Пономарева, Д.В. Сансон Карраско как рациональный двойник Дон Кихота в пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» / Д.В. Пономарева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 1. – С. 17–23 (0,4 п.л.).

5. Пономарева, Д.В. О трех хронотопах в пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» / Д.В. Пономарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 4 (22). – Ч. 1. – С. 159–162 (0,3 п.л.).

6. Пономарева, Д.В. Пьеса М. Булгакова «Дон Кихот» в свете статьи И. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» / Д.В. Пономарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 6 (24). – Ч. 2. – С. 161–163 (0,3 п.л.).

*Статьи в сборниках трудов и материалов научных конференций
и других научных изданиях*

7. Пономарева, Д.В. О карнавальном начале в пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» / Д.В. Пономарева // Труды аспирантов и соискателей Южного федерального университета. – Ростов н/Д., 2011. – С. 203–206 (0,2 п.л.).

8. Белопольская, Е.В., Пономарева, Д.В. О природе гротеска в пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» / Е.В. Белопольская, Д.В. Пономарева // Литература в диалоге культур-9: материалы заоч. междунар. науч. конф. – Ростов н/Д., 2011. – С. 211–216 (0,5 п.л.).

9. Пономарева, Д.В. Особенности хронотопа в пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» / Д.В. Пономарева // Литература в диалоге культур-9: материалы заоч. междунар. науч. конф. – Ростов н/Д., 2011. – С. 140–143 (0,3 п.л.).
10. Пономарева, Д.В. Юродство как составляющая образа Дон Кихота в одноименной пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» / Д.В. Пономарева // Литература в диалоге культур-10: материалы Междунар. науч. конф. – Ростов н/Д., 2013. – С. 164–170 (0,3 п.л.).
11. Пономарева, Д.В. «Дон Кихот» М. Булгакова в контексте пушкинского мифа о Дон Кихоте / Д.В. Пономарева // Современная наука глазами молодых исследователей: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. 25–26 апр. 2013 г. – Ишим, 2013. – С. 38–40 (0,2 п.л.).
12. Пономарева, Д.В. Дон Кихот как творческая личность моцартианского типа в пьесе М. Булгакова «Дон Кихот» / Д.В. Пономарева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2013. – № 5 (72). – С. 142–144 (0,2 п.л.).

ПОНОМАРЕВА Дарья Васильевна

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВЕЧНОГО ОБРАЗА: ПОЭТИКА ПЬЕСЫ
М. БУЛГАКОВА «ДОН КИХОТ»

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 24.09.15. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27